

Приведем несколько наиболее красноречивых примеров различного отношения византийских историков раннего времени к варварам. В борьбе двух миров, римского и варварского, все симпатии Аммиана Марцеллина, естественно, на стороне великого, гордого и, по его мнению, вечного Рима⁶³. Аммиан хорошо понимает, сколь грозна варварская опасность для империи: как ни один другой из писателей того времени, он отдает себе отчет о широком фронтальном наступлении варваров на Рим. И даже успешные походы Юлиана за Рейн — не более как активная оборона от варваров. Никто другой из византийских историков раннего периода не показал с такой убедительностью истинные грандиозный размах борьбы Рима и варваров. При этом, с точки зрения Аммиана, для римлян в борьбе с дикими, свирепыми и коварными варварами хороши все средства: и подкуп, и обман, и натравливание одних варваров на других. В борьбе за спасение своего государства и своей культуры от напора «презренных» варваров Рим, по мнению Аммиана, всегда прав.

Натиск же варваров изображается историком как разрушительный ураган, всеобщее бедствие для населения империи. Набеги варваров всегда носят грабительский и опустошительный характер, и борьба с ними — патриотический долг каждого римлянина.

Аммиан всегда с горечью, а порою с отчаянием пишет об упадке былого могущества Римского государства. Его пренебрежение к варварским народам — безмерно. Особого презрения заслуживают, по его мнению, дикие кочевники гунны и аланы.

Несколько более умерен в своих отрицательных суждениях о варварах Прокопий. В его описании варварских народов, несмотря на то, что он уже отдает должное воинственности, доблести, гостеприимству и другим хорошим качествам некоторых варварских племен, все же всегда звучат нотки презрительного превосходства образованного римлянина над грубыми варварами⁶⁴.

Политический консерватизм Прокопия тесно переплетается со своеобразным римским патриотизмом. Прокопий всегда мыслит себя прежде всего гражданином мировой римской державы. Все человечество византийский историк делит на римлян (ромеев) — носителей высокой древней культуры и государственности — и на варваров. Прокопий прекрасно сознает, что силы варваров все возрастают, а напор их на империю делается все более грозным. И тем не менее, видя грандиозное столкновение двух миров — римского и варварского, Прокопий полон самоуверенной надежды на полную победу империи.

⁶³ В. Д. Иеронова. Отражение кризиса Римской империи в «Истории Аммиана Марцеллина». — «Ученые записки Пермского гос. ун-та», т. XX, вып. 4, 1961, исторические науки, стр. 71—101; *её же*. Аммиан Марцеллин о варварах. — Там же, № 143, исторические науки, 1966, стр. 79 и сл.; З. В. Удальцова. Мировоззрение Аммиана Марцеллина. — ВВ. XXVIII, 1968, стр. 56 и сл.; R. A. Markus. The Roman Empire in the early christian historiography. — «The Downside Review», 81, 1961; W. H. C. Frend. The Roman Empire in Eastern and Western Historiography. — «Cambridge Philological Society», 14, 1968.

⁶⁴ *Procopii Caesariensis. De bello Gothico*, III, 14, 22—30; *Procop., De bello Vandalico*, II, 4, 29. — Opera omnia, v. II. Lipsiae, 1962.